

Научная статья
УДК 94(470.22)"1921/1922"

ПОПОВ
Денис Александрович

магистратура, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия),
dps1939@mail.ru

ОТГОЛОСКИ КАРЕЛЬСКОЙ АВАНТЮРЫ 1921–1922 ГГ. В ЮЖНОЙ КАРЕЛИИ

Научный руководитель:

Савицкий Иван
Владимирович

Рецензент:

Ратьковский Илья Сергеевич

Статья поступила: 03.11.2025;

Принята к публикации: 15.12.2025;

Размещена в сети: 15.12.2025.

Аннотация. В статье рассматриваются попытки финских диверсантов и разведчиков организовать восстание карельских крестьян и широкомасштабные боевые действия в южной Карелии в период так называемой «Карельской авантюры» 1921–1922 гг., когда в северокарельских волостях шли бои между интервентами и частями Красной Армии. Актуализируется вопрос исключительно продовольственного характера поддержки интервентов и сепаратистов со стороны северокарельских крестьян, что рассматривается в связке с отсутствием восстания в южной Карелии, где продовольственная ситуация была приемлемой.

Ключевые слова: Карельская авантюра, финская интервенция, южная Карелия, северокарельские волости, продовольственная ситуация, И. А. Никитин

Для цитирования: Попов Д. А. Отголоски Карельской авантюры 1921–1922 гг. в южной Карелии // StudArctic Forum. 2025. Т. 10, № 4. С. 21–32.

В ноябре 1921 – феврале 1922 года в северной Карелии шли боевые действия между отрядами финских добровольцев, карельских сепаратистов и поддержавших их местных крестьян, и частями РККА. Эти события в советской историографии именовались «Карельской авантюрой», сейчас их чаще именуют «Карельским восстанием». Цель данной статьи – рассмотреть попытки финских интервентов и карельских сепаратистов поднять восстание, провести диверсии и разведходки на территории южной Карелии, для доказательства тезиса об отсутствии поддержки противника в этом регионе в связи с приемлемой продовольственной ситуацией. Для решения поставленной цели был проведен анализ и систематизация обширного архивного материала из фондов РГВА и НА РК. Подробно использованные архивные фонды и документы мы опишем ниже. Подтверждение этого тезиса вносит свою лепту в историографические споры о характере «Карельской авантюры» 1921–1922 годов.

Дискуссии касательно характера этих событий идут до сих пор. В обширной советской историографии, которая уделяла внимание преимущественно военным действиям, они однозначно считались частью финской интервенции, заранее подготовленной в Финляндии [Соколов-Страхов], [Хесин], [Гардин]. В современной историографии выдвигается категоричная позиция о превалировании фактора восстания карельского крестьянства [Витухновская-Кауппала]. Петрозаводский историк, доктор исторических наук, профессор Ю.М. Килин придерживается довольно радикальной позиции. Ссылаясь на

данные карельского ГПУ, он приходит к выводу, что «финские офицеры» не играли большой роли в руководстве отрядов, а «самыми видными руководителями бандитизма» были карелы. Далее Ю.М. Килин приводит позицию Карельского ГПУ, что причины восстания «были местного происхождения и отнюдь не вызывались влиянием Финляндии». Мы полностью согласны с позицией Ю.М. Килина, что власти КТК, «поставив население на грань голодной смерти», вынудили карелов взяться за оружие [Килин: 55-58]. Однако в современной отечественной историографии присутствует и более взвешенная позиция, что события в Карелии в 1921–1922 годов «вобрали в себя самые разные составляющие». Одна из них – «массовое крестьянское выступление»; кроме того, был значимым «национальный компонент», а также «внешний, интервенционистский фактор – действия со стороны Финляндии – идеологические, политические, организационные, кадровые, стремление взять реванш за неудачи в борьбе предшествующих лет» [Голдин: 236-237]. Некоторые авторы даже сравнивают «Карельскую авантюру» с аналогичными выступлениями крестьян, в частности, с Тамбовским восстанием¹, хотя историк Д.П. Иванов из Тамбовского государственного университета в своей статье отмечал, что «боевые действия происходили на территории, подконтрольной Советской власти, а в конфликте не были замешаны иностранные вооруженные силы» [Иванов: 36-40]. Этого не наблюдалось в 1921–1922 годах в Карелии, где действовали отряды, сформированные в Финляндии, получавшие снабжение из Финляндии, а «на первоначальном этапе восстания действия развивались параллельно: хаотичные выступления крестьян сопровождались попытками финских офицеров организовать единый фронт. Но уже вскоре все руководство перешло к финнам» [Осипов: 46]. По нашему мнению, данные события являются вторым этапом финской интервенции в Советской Карелии (первый этап шел в 1918–1920 годах, начавшись с вторжений финских интервентов в северную Карелию весной 1918, а завершившись в октябре 1920 года подписанием Тартуского мирного договора), а поддержка интервентов и сепаратистов со стороны местного карельского населения была обусловлена лишь тотальным голодом, начавшимся в северокарельских волостях в 1921 году. Об этом косвенно говорит тот факт, что в южной Карелии, где продовольственная ситуация была приемлемой, восстания крестьян не произошло, а не единичные интервенционистские попытки финнов и сепаратистов не получили поддержки.

* * * * *

Приведем лишь несколько примеров продовольственного положения в южной Карелии. В условиях голода и массового антисоветского брожения в пограничных волостях Кемского уезда, волостное собрание в Ругозере в марте 1921 года приняло резолюцию о полной поддержке советской власти в условиях начала Кронштадтского мятежа². К 1 декабря 1921 года в Пудожском уезде завершался сбор продналога. Продналог по хлебу³ в уезде был выполнен на 80 %, мясной налог был собран также на 80 %, шерстяной – на 30 %, масляный – на 26 %, на яйца – на 80 %⁴. В Кондопожской волости ситуация была стабильнее, чем в Кемском уезде. Почти во всех деревнях от уплаты налога не отказывались, но просили некоторые налоги отменить или снизить. Так, в Нигострове просили отменить хлебный налог, в Тавойгоре просили снизить масляный налог, в деревне Мянсельга «продналог признают правильным, на что дали согласие и подписку <...> и уже хлебный налог в скором времени будет выплачен, масляный налог полностью выплатить не ручаются в виду маломолочного скота и плохого корма», та же ситуация была в Ватнаволоке, в Лукинострове просили заменить налог на яйца картошкой, также была проблема с масляным налогом, в Лижме все граждане согласились платить налог, но опасались того, что выполнить полностью налог на хлеб и масло не получится, в Комострове налог должен был

быть выплачен полностью за исключением масляного и яичного⁵. В Отчете Олонецкого уездного продовольственного комитета за июль – сентябрь 1921 г. отмечалось, что «в прежние годы разверстка для крестьян являлась обременительной, декрет же о продналоге был встречен с большим энтузиазмом». По вопросу добровольной сдачи продналога ситуация была стабильной – крестьяне сдавали его добровольно, за исключением одного общества, «увеличивающего под разными предлогами, в силу чего был введен отряд вооруженный, и под таким нажимом налог был выполнен без репрессивных мер». Затруднений при уплате продналога крестьяне не встречали⁶.

В северной Карелии ситуация была совершенно иной. Так, в Тивдийской волости от уплаты продналога отказалось 390 человек, в Святозерской – 238, а в Спасопреображенской от уплаты отказалось 10 деревень. Уже 28 июля 1921 года граждане Тивдийской волости сообщали, что они «питались единовременно соломой и молоком», в волости также было много коров, которые не давали молока, а быков у крестьян почти не было. В связи с этим граждане доводили до сведения, что выполнить налог на масло не могут⁷. Уже в мае 1921 года Кемский уездисполком в своей телеграмме Э. Гюллингу, который руководил гражданской властью в КТК, а в 1922 г. стал председателем Карело-Мурманского Военно-революционного комитета (ВРК), сообщал, что «продовольственное положение Кем[ского]уезда катастрофическое». Семена, которые были поставлены в уезд, крестьянами пограничных районов были употреблены в пищу, а «противодействовать этому нет возможности». Далее писалось о том, что южные районы КТК более-менее хорошо снабжены продовольствием, когда в Кемском уезде люди массово употребляют в пищу сосновую кору и солому. В других документах Кемского уездисполкома отмечалось, что уход населения в Финляндию и отказ от выполнения работ в приграничных волостях (в первую очередь, Тунгудской, Олангской и Керетской) был связан и с продовольственным положением, и с влиянием «агентов белой Финляндии», которые, само собой, «давили» на продовольственный вопрос⁸. Это мнение было высказано и в телеграмме Олангского волисполкома от 12 марта 1921 года, где отмечалось, что «большая часть мужского пола ушла в Финляндию и уходит постоянно все больше и больше, потому что здесь ходят провокаторы со стороны белых и подбивают население к побегу за границу»⁹. Такое же мнение высказывалось в одной из телеграмм из Кемского исполкома, отправленных в Кароблисполком. Автор телеграммы, имя которого, к сожалению, в телеграмме не приведено, указывал, что ни в одной из приграничных волостей «прочной советской власти до сих пор не установлено». «На почве голода среди населения указанных волостей создалось антисоветское настроение: происходят собрания с участием белофинских агентов, мужское население Олангской волости вместе с волисполкомом ушло в Финляндию, к убийству члена Тихтозерского Ревкома Питканена прибавилось убийство нескольких милиционеров в Ухтинской волости и есть сведения о каком-то вооруженном сборище около Ухты человек в 100». Автор телеграммы также считал, что в район надо отправить 1000–2000 солдат для прочного удержания границы¹⁰. В телеграмме Кемского уездного исполкома от 29 марта 1921 года отмечалось, что «волости грозит смертельный голод», норму давать не из чего, а 26 марта норму разделили по 6 фунтов продовольствия на человека, после чего из продуктов остались только семена. Отмечалось, что «народ в голоде начинает сомневаться и склоняться на финскую сторону, и я не могу сделать ничего, потому что у меня нет ничего, чем бы я мог усмирить». Автор телеграммы справедливо указывал на то, что волости грозит голодная смерть, и честно говорил, что положение может спасти только поставки продовольствия¹¹. Несмотря на проблемы с выделением семян, советские власти все равно выделили КТК семенную ссуду, и 70 тыс. пудов семян прибыли в Карелию

уже в апреле 1921 года. Однако Кемский уезд вновь оказался в тяжелом положении – в пограничные волости эти семена не были доставлены из-за распутицы. Опасность ее наступления отмечали на съездах волостей Кемского уезда еще в конце марта 1921 года. Так, на съезде депутатов Юшкозерской волости 29 марта 1921 года было высказано следующее: «не удовлетворение продовольствием на распутицу вне всякого сомнения повлечет голодную смерть». Однако постановление об удовлетворении волостей продовольствием на три месяца (на время распутицы) так и не было исполнено¹².

Отметим, что заигрывание с местным населением путем поставок продовольствия характеризовало действия Финляндии и в 1919 году во время Олонецкого похода. Это можно условно назвать «логикой желудка», суть которой заключалась в том, что именно постоянное снабжение продовольствием может перевести симпатии населения на финскую сторону. Об этом совершенно верно писал В.М. Холодковский: «Временные симпатии голодного карельского крестьянства поворачивались в ту сторону, откуда могло прийти быстрое спасение от голода. Подобное положение и использовали сторонники создания Великой Финляндии. "Известия" писали, что в полосе, прилежащей к Финляндии и населенной, в основном, карелами и финнами, "ненависть к прежней России, которая их угнетала, прекрасно используется против нас" врагами Советской России. "Враждебное отношение местного населения, – продолжала газета, – ... объясняется еще тем, что до сих пор этого края не коснулась созидательная рука Советской власти"...» [Холодковский: 65]. Применительно к событиям 1919 года Э. Рахья – финский коммунист, бежавший в Советскую Россию и являвшийся комиссаром одной из частей РККА в Карелии, вспоминал: «Белофинны привезли с собой белой муки. Они делали из нее подболотку для лошадей. Они этим самым хотели показать страдавшим от голода карелам, как у них в Финляндии хорошо живется, если они белой мукой кормят лошадей. Они говорили: "Вот вы здесь в Карелии подыхаете с голоду. Переходите на нашу сторону, и мы вас спасем от большевистского ига"»¹³. «Логика желудка» наблюдалась также и в 1918 году в Ребольской и Поросозерской волостях – Ребольская волость, которая снабжалась продовольствием из Финляндии, поддержала вхождение в состав Финляндии, а Поросозерская волость, получавшая продовольствие из Повенца, – нет, и была захвачена вооруженными отрядами финнов летом 1919 года [Попов: 33-38].

Исходя из всего вышесказанного мы приходим к выводу, что политического или национального фактора в определенной поддержке интервентов со стороны северокарельских крестьян не было, поддержка была связана лишь с тотальным голодом, прекратить который обещали и пытались прибывшие из Финляндии добровольцы и сепаратисты. Факт отсутствия восстаний в южной Карелии, где была сносная продовольственная ситуация, лишь подтверждает этот тезис. Однако встает логичный вопрос – а были ли вообще со стороны интервентов попытки поднять восстание в южной Карелии? Именно его рассмотрению и посвящена эта статья. На основе обширного архивного материала из фондов Российского государственного военного архива и Национального архива Республики Карелия мы рассмотрим деятельность диверсантов и разведчиков противника в южных карельских волостях с целью подтверждения тезиса о исключительно продовольственном характере восстания северокарельских крестьян в 1921–1922 годах. В рамках работы были использованы документы преимущественно из фондов РГВА № 1911 и 740. Первый фонд – это фонд Управления 127-й стрелковой бригады, которая сражалась в Карелии в ноябре – декабре 1921 года практически в одиночку. В данной работе был проведен анализ Журнала боевых действий бригады, где события расписаны по дням. Само собой, основной массив информации там посвящен боям в северной Карелии, но события на юге региона также были описаны. В фонде 740 содержатся

документы Управления войсками Карельского района, где большинство документов также описывает боевые действия в северокарельских волостях в январе – феврале 1922 года. Примечательно дело № 432 – Журнал боевых действий завесы, находящейся в южных волостях Карелии. Там по дням расписаны события, что позволяет реконструировать нападения противника в период первых двух месяцев 1922 года. Документы Национального архива Республики Карелия (далее – НА РК) представляют из себя различные отчеты, телеграммы и прошения, которые отложились в фонде Карельского областного комитета (фонд Р-549). Они раскрывают продовольственную ситуацию на севере Карелии, и являются яркой иллюстрацией склонения карельского крестьянства на финскую сторону в связи с тотальным голодом. Также были использованы документы из фонда П-14, в котором отложились материалы Карельской историко-партийной комиссии, подготовленные в 1930-е годы. События в южной Карелии были отражены в подготовленном сотрудниками Комиссии конспекте, посвященном Карельской авантюре 1921–1922 годов. Опубликованные документы представлены мемуарами члена Карельского ревкома и исполкома КТК В.М. Куджиева и опубликованной в сборнике документов 1944 года оперативной документацией РККА. Материалы русской эмиграции касательно описываемых событий практически отсутствуют в связи с тем, что отряды противника были представлены финскими добровольцами и условно «финнизированными» карельскими сепаратистами.

В июле 1921 года в Олонецком уезде «вернувшиеся из Финляндии карельские беженцы-кулаки пытаются пролезть в советы, настраивают крестьян против советов. На днях в Олонце пойман шпион Антонов с фотоснимками города и сведениями военного характера. Вместе с ним задержаны еще два белофинских шпиона. В Туломозерской волости были случаи вооруженного нападения и увода белофинскими бандитами лошадей в Финляндию»¹⁴. Уже в самый разгар боевых действий Карельской авантюры, 15 декабря 1921 года, «финские банды появились в Олонецком уезде, для ликвидации банд высланы отряды. Некоторые из банд рассеяны и отошли к границе»¹⁵.

В своих воспоминаниях В.М. Куджиев вспоминал об И.А. Никитине, который в 1919 году воевал в составе «Олонецкого коммунистического отряда» Ф.И. Егорова, первым встретившего удар противника по южным районам Карелии в 1919 году. Затем Никитин «организовывал ревкомы в волостях Олонецкого уезда, руководил их работой». Далее Куджиев писал: «В 1921 году, во время налетов белофиннов, они вновь попытались инспирировать восстание в Олонце. Пришедший в город кулацкий отряд внезапно захватил здание уездисполкома, арестовал ряд советских работников. Никитин был в это время дома. Какая-то девушка прибежала и рассказала ему о случившемся. Он бросился на телеграф, который еще не был занят, дал телеграмму в Петрозаводск. Руководители мятежников, узнав о данной телеграмме, пришли к Никитину и стали требовать, чтобы он сообщил в Петрозаводск, что восстания нет и воинские части не нужны. Никитин на просьбы и угрозы ответил категорическим отказом. Его обезоружили и оставили дома. Перспектива прибытия воинской части обескуражила кулаков. Не получив на тот момент помощи из Финляндии, на которую они рассчитывали, к моменту прибытия воинской части мятежники уже рассеялись и сопротивления не оказали»¹⁶. Однако данный случай не прослеживается по документам, что ставит под некоторое сомнение данные, приводимые В.М. Куджиевым.

6 ноября 1921 года отряды противника вторглись в районе Ругозера. Уже 12 ноября на участке 1-й стрелковой роты (далее – ср) 175-го батальона в лесу у деревни Чепилла по направлению к Финляндии «пробирается какой то человек», на него выслали дозор в 2 человека, он стал отстреливаться из нагана, ранил одного красноармейца и скрылся, используя темноту. То есть практически сразу отряды противника стали проникать и в

южную Карелию¹⁷.

В телеграмме Карисполкома в НКВД уже от 4 декабря 1921 года отмечалось, что «поступили сведения о вербовке банд и агитации за наступление через границу из волости Финляндии напротив Олонецкого уезда. В Сальминском погосте 25 ноября был созван съезд, где приняли резолюцию о помощи бандам и о наступлении в Южную Карелию. Ввиду всего этого можно ожидать наступления еще новых банд через границу и против Олонецкого уезда...»¹⁸. Советское руководство действительно беспокоилось о возможности вторжения противника и в южные волости Коммуны. 21 ноября начальнику южного боевого участка Девитту было приказано «всеми имеющимися средствами парализовать всякие попытки со стороны банд просочиться с севера в пределы боеучастка. Обеспечить охрану фин[ской]границы. Всеми мерами подавлять все попытки восстания. Организовать разведку как войсковую, так и агентурную в пределах своего участка»¹⁹.

В дальнейшем ситуация лишь накалялась. Так, В ночь с 24 на 25 ноября на мосту через реку Сязь был обстрелян часовой, «кто и сколько человек обстреляли часового не выяснено»²⁰. 27 ноября комполка-380 приказано выделить для охраны границы 4 роты, занять 1-м стрелковым батальоном участок границы от Надлахты до Погранкондуш (штаб был в Пряже), 1-й стрелковой ротой участок Погранкондуши – устье реки Свирь и Паша (штаб в Котчале), одну роту выделить для несения гарнизонной службы в Олонецкой и Череповецкой губерниях²¹. 29 ноября, по сведениям агентурной разведки, среди части населения Кяппясельгской, Великогубской и Тихвинской волости настроение к советской власти было враждебным. Далее уточнялось, что отношение враждебное в селах Викшезеро, Кокорино, Шайдема Кяппясельгской волости²².

29 ноября поступили сведения Особо уполномоченного Особого Отдела ПВО, что из деревни Сальми (в Финляндии) было выслано пять человек для взрыва железнодорожного моста на реке Свирь. Указанные люди были высланы 25 ноября²³. В ответ на усиление охраны железнодорожного моста через Свирь 29 ноября в 18 часов отправилось 15 человек коммунаров под командой Дранькова²⁴.

По сведениям Особого отдела, уже 2 декабря в районе деревни Шайдома в пяти верстах северо-западнее Кяппясельги происходила скупка боевых патронов к оружию, вероятно с целью «укомплектования бандитов». Виновные в покупке и продаже были арестованы, «отобрано 660 патронов, две винтовки, 4 дробовых ружей, одна пулеметная лента без патронов и одна верста кабеля. На участке введено осадное положение»²⁵.

В оперсводке за 4 декабря сообщалось, что по сведениям начальника особпункта-16 (полученным от заграничного осведомителя), на состоявшемся в местечке Мальэ съезде карел было вынесено постановление о поддержке восставших в Кемском уезде, а также решено вести наступление на Олонец и Свирь с целью перехвата железнодорожного моста и воспрепятствованию переброски подкреплений к Мурману. Была послана «финскому правительству просьба о поддержке воинским снаряжением. Вновь назначенный начальником Суалас-Кунда²⁶ Маннергейм на параде в Сердоболе в своей речи выразился: "Олонец будет наш"»²⁷. Однако по финской литературе данный съезд и данные заявления не прослеживаются.

Продолжалось наблюдение за ситуацией с оружием. За сутки 5 декабря от жителей в пределах южного участка было отобрано 25 русских винтовок, 2000 патронов, 27 берданок, два револьвера и другие вещи²⁸.

11 декабря в районе Видлицкой волости обнаружена банда около 20 человек, в районе Пирозозера (25 верст севернее Олонца) – банда в 30 человек, имеющая «якобы намерение

взорвать мост через Свирь и напасть на Олонец». 11 декабря из Олонца в этих направлениях были выдвинуты две разведпартии, каждая в 20 человек²⁹.

На следующий день, 12 декабря, в районе д. Голлымба «банда была рассеяна нашим отрядом. Бандиты разбежались по лесу, вероятно в направлении к границе, меры к задержанию приняты». В ходе столкновения были взяты трофеи: 14 пар финских лыж, три карабина, патроны, рукавицы, шапки, сапоги. В Поросозере, в 25 верстах к северу от Олонца, появилась банда в 100 человек с обозом лыж и другого имущества, против них было выслано 81 человек при одном пулемете³⁰.

13 декабря банда, рассеянная у Поросозера, в числе 12 человек с ранеными была обнаружена в лесу между Видлицей и Сорболой «на отдыхе в сарае», в 16 часов 13 декабря из Видлицы туда были высланы два отряда по 10 человек каждый для задержания. В итоге банда, рассеянная у Голлымба, бежала в двух направлениях: один отряд ушел в направлении Поросозера – Сармяки – Гушкала – Коншегоры и скрылся за границу, другой ушел через Кишкозеро, «разведка идет за ним по следам». 17 декабря появились сведения, что в районе Ведлозерской волости появилось подкрепление рассеянными ранее отрядам, была выслана разведка. В деревне Пашаево прибыла группа бандитов в 15 человек, в Тгемоваары в 47 верстах восточнее Видлицы также «находится большая партия бандитов», туда двинули отряды из Олонца. На участке 1-й роты 175-го батальона 16 декабря был задержан разведчик, вооруженный Маузером, взрывчатым веществом, с картой и компасом³¹.

Чуть позже в деревне Барлов-Лес, в 45 верстах севернее Олонца, появилось около 40–45 человек бандитов, против них были высланы два отряда (1-я рота 175-го батальона из Чеппила и части ЧОН из Олонца). Однако отряд разведку противника не обнаружил³².

24 декабря у Сянчозера, в месте впадения в него реки Кулок, бандитами был захвачен комвзвода Якурнов и с ним два красноармейца, бандитов преследовали 25 человек из 3-й роты 175-го батальона ВЧК, но их преследование «успехом не увенчалось». Бандиты с захваченными бойцами отошли в Мерендуксу, где захватили наблюдательный пост из двух красноармейцев и скрылись по направлению к границе³³. Затем выяснилось, что в Мерендуксе они еще захватили местного учителя, идейного коммуниста Кирьянова. Всего были захвачены: один врио комвзвода, три красноармейца 3-й роты, один неизвестный красноармеец (видимо из 166-го батальона) и учитель. «Бандиты говорили красноармейцам: "Не бойтесь, мы вас убивать не будем"»³⁴. На поиски бандитов было отправлено 25 бойцов под командованием комроты из 175-го батальона ВЧК³⁵.

27 декабря на участке 2-й роты 175-го батальона в районе д. Мандроги было обнаружено 7 человек разведчиков противника, против них была выслана разведка из состава 175-го батальона. По сведениям сельсовета Вахтозера, в ночь с 25 на 26 декабря через деревню прошел отряд бандитов в 25 человек, который захватил там трех красноармейцев. Против них была выслана разведка от учкадрового полка 11-й стрелковой дивизии³⁶.

На 1 января 1922 года в состав южной боевой завесы входили: 175-й отдельный батальон войск ВЧК (на участке от озера Куурна-лахти до Погранкондуш), 3-й стрелковый батальон 380-го стрелкового полка (от Колатсельги до устья Свири), 3-я рота 174-го отдельного батальона войск ВЧК (от Погранкондуш до устья Свири), учебная школа 380-го стрелкового полка в Олонце, пулеметный взвод 381-го стрелкового полка в Лодейном Поле, авиоотделение 50-го авиаотряда в деревне Речка³⁷.

4 января южному участку было приказано (приказ по войскам ПВО) произвести маневр в районе Олонец – Видлица и лыжный пробег по маршруту Видлица – Финская

граница – Петрозаводск в составе сводного батальона двухротного состава курсантов-финнов интернациональных военных курсов в составе не менее 200 чел. с пулеметной командой при шести пулеметах на лыжных установках и артиллерией³⁸. В дальнейшем маневры производились постоянно. О ходе исполнения одного из этих маневров артиллерийскими частями сообщал начальник гарнизона Лодейного Поля: «Батареи застряли в дер Каноме и реке Свири, причиной был глубокий снег и неудобные по дороге дровни на которых были орудия, мною лично было отдано приказание заменить дровни нашими более удобными, благодаря этой замене легкая батарея была продвинута и сейчас находится на пути к Олонцу, гаубичную батарею, застрявшую на реке Свири, можно было продвинуть таким же образом, разобрать и вывезти на наших дровнях». Начальник гарнизона отдал приказание дать 12 дровень, однако командир батареи получил приказание от начальника артиллерии ехать обратно, и батарею отправили по железной дороге³⁹.

7 января в районе д. Колатсельга было убито два сотрудника особого отдела, которых выслали в разведку⁴⁰.

16 января «в виду ненадежной существовавшей до сего времени охраны границы – издан приказ по участку Южзавесы № 05, согласно которого участок завесы разбивается на три сектора и в связи с этим должна быть произведена частичная перегруппировка частей, охраняющих границу; разбивка участка на секторы произведена применительно к ротным участкам 175-го батальона войск ВЧК»⁴¹. 15 января был назначен новый заведующий агентурной разведкой южзавесы – сотрудник Разведуправления «тов. Эд. Парвийнен»⁴².

19 января восемь финских разведчиков подошли к хутору Вагоярви (в трех верстах западнее Колатсельги), затем они ушли за границу, отряд красных разведчиков их задержать не смог⁴³.

В условиях боевых действий на севере, как мы уже отмечали, наблюдался тотальный недостаток подвод. Поэтому бойцы более спокойных участков отправлялись на мобилизацию подвод. 20 января части роты 16-го учкадрового полка были направлены на мобилизацию подвод: 90 – в Вытегорский уезд, 50 – в Пудожский, 40 – в Лодейнопольский⁴⁴.

Были попытки отправить бойцов относительно спокойного участка на выполнение сугубо бытовых работ. Так, 1 февраля солдаты гарнизона Лодейного Поля получили приказ помочь местным жителям в распиловке дров. Однако «начгарнизона Лодполя донес, что в его распоряжении сильный недостаток людей, вследствие чего – оказать содействие в распиловке дров не может»⁴⁵.

31 января в 15 часов с финляндской территории через Колатсельгу пролетели два аэроплана, один из них, «описав круг», улетел обратно за границу через деревню Сони, другой спустился на озеро Туломозеро, однако задержать самолеты не удалось⁴⁶.

В ночь на 6 февраля финская разведка перешла границу в 3 верстах севернее Кавгозера в числе шести человек, в пяти верстах юго-восточнее этой деревни разведка разделилась на две партии: одна прошла в пяти верстах южнее Видлицы, другая в 16 часов 6 февраля прошла мимо деревни Серболо по направлению к Кумгоре. 8 февраля финская разведка в составе двух человек проходила по границе у деревни Посад, «вызывала наших кр-цев, при подходе взводного командира – разведка отошла обратно в дер Хюрсуля»⁴⁷.

14 февраля «по служебным делам» из Мерендуксы в Вохтозеро ехали комвзвода и красноармеец 380-го стрелкового полка, которые пропали без вести. На их поиски было выслано две партии разведчиков. Еще в 12 часов 13 февраля севернее Вохтозера был слышан ружейный выстрел, на него вышли разведчики РККА и обнаружили лыжные следы. В районе

впадения реки Кулок в озеро Ельмозеро была найдена лошадь с упряжкой, людей около нее не было, в саних был обнаружен мешок из-под муки, он принадлежал заведующему продовольствием учшколы 380-го стрелкового полка, который был выдан им красноармейцу 1-го взвода учшколы 380-го стрелкового полка.

14 февраля в 5 часов на берегу реки Кулок были найдены трупы комвзвода и красноармейца учшколы 380-го сп, «зверски изуродованные». Трупы были доставлены в Вохтозеро⁴⁸.

17 февраля южный боеучасток получил приказание: «В местах, где появляются шайки и разведчики бандитов, не посылать по каким-бы-то-ни-было надобностям одиночных людей, а чтобы следовали вооруженные партии не менее 10 человек, так как в последнее время имели место случаи нападения бандитов на одиноко следующих наших людей». Однако начштабвойск Каррайона получил ответ, что «выполнение этого приказа требует непосильного для южной завесы расхода людей», ведь для усиления некоторых постов, одиночных контрольных телефонных станций, по мнению южной завесы, ей должны были выделить приблизительно 430 штыков, «просьба их скорее выслать». Однако в ответ на это, 18 февраля комполка 16-го учкадрового полка было приказано выделить 20 штыков в распоряжение начальника 5-го участка охраны Мурманской железной дороги⁴⁹.

20 февраля тремя неизвестными финнами в полуверсте от Погранкондуш были остановлены проезжавшие граждане этой деревни и «после опроса «”какой деревни... куда едут”» они были отпущены, финны при этом скрылись за границу. В 20:30 того же дня в двух верстах западнее Погранкондуш на территории Финляндии разорвалась бомба⁵⁰.

Согласно приказанию Командующего войсками Карельского района А.И. Седякина, который был назначен на эту должность в начале боевых действий, прибыв из Петрограда, от 24 февраля 1922 года за № 0738 участок Южной завесы в 23 часа был сдан комбригу-29⁵¹.

* * * * *

Таким образом, мы приходим к выводу, что попытки финских интервентов поднять восстание в южной Карелии, провести там диверсии и агитацию местного населения в период 1921–1922 годов были массовыми. Однако восстания и массовой поддержки интервентов в этой части региона не наблюдалось благодаря оперативным действиям частей РККА и ВЧК, а также приемлемому продовольственному положению в южной части Карелии. Это обусловило отсутствие базы для восстания и массового недовольства местного крестьянства советской властью. Совершенно обратная ситуация была в северокарельских волостях, где голод был тотальным, а недовольство на этой почве массовым. Именно поэтому финские интервенты и карельские сепаратисты нашли там поддержку среди крестьян, которые по большей части затем ушли в Финляндию. Это показывает, что в событиях «Карельской авантюры» был элемент и крестьянского восстания. Отсутствие поддержки интервентов в южной Карелии лишний раз подтверждает исключительно продовольственный характер причин восстания в северной Карелии. Это был очередной пример «логики желудка», который наблюдался также и в 1918, и в 1919 годах на первом этапе финской интервенции в Советской Карелии.

Примечания

¹ IZÄNDÄ. Карельское восстание 1921–1922 годов // Национальный музей Республики Карелия: офиц. сайт. URL: <https://kareliamuseum.ru/vystavki/95> (дата обращения: 19.10.2025).

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р–549. Оп. 1. Д. 5/53. Л. 2.

³ Под понятием «хлеб» в данном случае имеется в виду зерно (реже мука) следующих культур: рожь, ячмень, овес (см.: НА РК. Ф. Р–549. Оп. 1. Д. 5/50. Л. 9–9 об). Хлебный налог обычно сдавался зерном (гораздо реже – мукой).

- ⁴ НА РК. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 37. Л. 15.
- ⁵ НА РК. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 102. Л. 29.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 9/159. Л. 1-4.
- ⁷ НА РК. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 119. Л. 21.
- ⁸ НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 2/25. Л. 51.
- ⁹ НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 3/31. Л. 73.
- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 3/31. Л. 97.
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 3/31. Л. 83 об.
- ¹² НА РК. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 2/25. Л. 41.
- ¹³ Рахья Э.А. Бои за Видлицу // Гражданская война в Олонецкой Карелии (1918–1920): сб. мат-лов научн.-практ. конф. / Под ред. С.Г. Веригина, А.М. Пашкова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. С. 151.
- ¹⁴ НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 2/44. Л. 1.
- ¹⁵ НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 2/44. Л. 2.
- ¹⁶ Куджиев В.М. Карельская трудовая коммуна. Воспоминания члена ревкома. Петрозаводск: Карелия, 1970. С. 25-26.
- ¹⁷ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.
- ¹⁸ Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918–1922 гг.: Сб. документов / Под ред. П.Г. Софинова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1944. С. 124.
- ¹⁹ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 49, 49 об.
- ²⁰ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 56.
- ²¹ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 56 об., 57.
- ²² РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 57, 60.
- ²³ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 57 об.
- ²⁴ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 58.
- ²⁵ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 64 об., 65.
- ²⁶ Имеется в виду Suojeluskunta – финское название военизированной организации Шюцкор.
- ²⁷ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 67 об., 68.
- ²⁸ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 70 об.
- ²⁹ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 77 об.
- ³⁰ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 78.
- ³¹ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 78–81.
- ³² РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 83 об., 85.
- ³³ РГВА. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 361. Л. 10–11.
- ³⁴ РГВА. Ф. 1213 ОП 1 Д. 361. Л. 12–12 об.
- ³⁵ РГВА. Ф. 1213 Оп. 1. Д. 361. Л. 36 об., 37.
- ³⁶ РГВА. Ф. 1911. Оп. 1. Д. 5. Л. 91.
- ³⁷ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 1.
- ³⁸ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 1 об.
- ³⁹ РГВА. Ф. 1213. Оп. 1. Д. 375. Л. 33.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 2.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 3 об.
- ⁴² РГВА. Ф. 1213. ОП. 1. Д. 375. Л. 88.
- ⁴³ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 4.
- ⁴⁴ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 4.
- ⁴⁵ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 5 об.
- ⁴⁶ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 5 об.
- ⁴⁷ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 7 об.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 8.

⁴⁹ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 8 об., 9.

⁵⁰ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 11.

⁵¹ РГВА. Ф. 740. Оп. 1. Д. 432. Л. 11 об.

Список литературы

Витухновская-Кауппала М.А. В пучине Гражданской войны: Карелы в поисках стратегий выживания. 1917–1922 / М. Витухновская-Кауппала, А.Ю. Осипов. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2020. 348 с.

Гардин Е.С. Разгром белофинской авантюры (1921–1922). Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1947. 44 с.

Голдин В.И. Гражданская война в России. Осмысление сквозь столетия. Москва: Кучково поле, 2025. Т. 2. 624 с.

Иванов Д.П. Тамбовское восстание 1920–1921 гг. с точки зрения терминологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-2(80). С. 36-40.

Килин Ю.М. Карелия в политике советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. 275 с.

Осипов А.Ю. Карельская Освободительная Армия: между Финляндией и советской Россией // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: КарНИЦ РАН, 2008. С. 45-53.

Попов Д.А. Нападение финских интервентов на Поросозеро в январе 1919 г.: новые документы и данные из ведомственных архивов // Исторические чтения на Лубянке: мат-лы XXVII междунар. научной конф. (Москва, 7–8 декабря 2023 г.). Москва: Фронткнига, 2023. С. 33-38.

Соколов-Страхов К.И. Зимняя кампания в Карелии в 1921/22 г. Борьба за обладание Мурманским незамерзающим портом и железнодорожным путем к нему. Москва; Ленинград: Военная типография управления делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. 162 с.

Хесин С.С. Разгром белофинской авантюры в Карелии в 1921–1922 гг. Москва: Воениздат МВС СССР, 1949. 151 с.

Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. Москва: Наука, 1975. 265 с.

Denis A. POPOV

master's degree, Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov (Moscow, Russia),
dps1939@mail.ru

ECHOES OF THE 1921–1922 KARELIAN ADVENTURE IN SOUTHERN KARELIA

Scientific adviser:

Ivan V. Savitsky

Reviewer:

Ilya S. Ratkovsky

Paper submitted on: 11/03/2025;

Accepted on: 12/15/2025;

Published online on: 12/15/2025.

Abstract. This article explores the efforts of Finnish saboteurs and intelligence agents to orchestrate a Karelian peasant uprising and coordinate large-scale military operations in southern Karelia during the so-called "Karelian Adventure" of 1921–1922. During this period, hostilities between invading forces and Red Army units intensified in the northern Karelian volosts. The study emphasizes the role of food-based support provided by northern Karelian peasants to the invaders and separatists, analyzing this phenomenon in conjunction with the absence of an uprising in southern Karelia, where the food supply was relatively stable.

Keywords: Karelian Adventure, Finnish intervention, South Karelia, northern Karelian volosts, food situation, I. A. Nikitin

For citation: Popov, D. A. Echoes of the 1921–1922 Karelian Adventure in Southern Karelia. *StudArctic Forum*. 2025, 10 (4): 21–32.

References

- Vitukhnovskaya-Kauppalä M.A., Osipov A.Yu. *In the abyss of the Civil War: The Karelians in search of survival strategies. 1917–1922*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2020, 348 p. (In Russ.)
- Gardin E.S. *The defeat of the White Finnish Adventure (1921–1922)*. Petrozavodsk, State Publishing House of the KFSSR, 1947, 44 p. (In Russ.)
- Goldin V.I. *The Civil War in Russia. Understanding it through the centuries*. Moscow, Kuchkovo pole, 2025, Vol. 2, 624 p. (In Russ.)
- Ivanov D.P. Tambov rebellion of 1920–1921 from the viewpoint of terminology. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Theory & Practice*, 2017, No. 6-2(80), pp. 36-40. (In Russ.)
- Kilin Yu.M. *Karelia in the politics of the Soviet state, 1920–1941*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University, 1999. 275 p. (In Russ.)
- Osipov A.Yu. The Karelian Liberation Army: Between Finland and Soviet Russia. *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Humanitarian studies*. Issue 1. Petrozavodsk, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2008, pp. 45-53. (In Russ.)
- Popov D.A. The attack of Finnish interventionists on Porosozero in January 1919: New documents and data from departmental archives. *Lubyanka Historical Readings: Proceedings of the XXVII international research conference (Moscow, December 7–8, 2023)*. Moscow, Frontkniga, 2023, pp. 33-38. (In Russ.)
- Sokolov-Strakhov K.I. *The 1921–22 Winter Campaign in Karelia. The battle for the control over the Murmansk ice-free port and the railroad leading to it*. Moscow, Leningrad, Military Printing House of the Administration of the People's Commissariat of Military and Naval Affairs and the Revolutionary Military Council of the USSR, 1927, 162 p. (In Russ.)
- Khesin S.S. *The defeat of the White Finnish Adventure in Karelia in 1921–1922*. Moscow, Voenizdat, 1949, 151 p. (In Russ.)
- Kholodkovsky V.M. *Finland and Soviet Russia. 1918–1920*. Moscow, Nauka, 1975, 265 p. (In Russ.)